

Виталий Константинович Дробков

Возвращение мессира

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23556193

Аннотация

Люцифер-светоносный проводит совещание на Земле. Тема совещания: низкое качество получаемого продукта – Душ человеческих! Рассматривается вариант закрытия Проекта на Земле...

ВОЗВРАЩЕНИЕ МЕССИРА

ПИКНИК. ПРЕЛЮДИЯ

На берегу сидели двое. Был месяц май, трава уже всю лезла из всех щелей, а вода в речке с её сонным течением была ещё светла и прозрачна. Наблюдателю со стороны эти двое показались бы странной парочкой: один – старый, сильно потрепанный жизнью и с одним глазом, судя по серой грязной повязке на другом глазу, а его партнёр показался бы карликом, настолько он был малоросл. Однако он не выглядел слабаком, так как был широк и полноват. Оба одеты были как типичные люмпены двадцатого века, в заношенные линялые бесформенные тряпки.

Они выпивали, рядом стояли две бутылки: одна квадратная в резном хрустальном графине с французским коньяком немислимой цены, а другая с жигулёвским пивом в пластике очень местного разливу.

Оба с задумчивым видом смотрели на воду, протекающую мимо и вели меж собою странную беседу, которую большинство проходящих мимо граждан посчитали бы продуктом месячного запоя. Одноглазый гнусавым хриплым голосом, выдававшим в хозяине большого любителя выпивки, объявил:

– Нет-нет и нет: Он – не ошибка! Он сам – важная часть Проекта! Просто так задумано! И как Первый Сын Творца и первый помощник, он просто обязан курировать все ми-

ры планет, с разумными и не очень участниками Замысла. В этом и есть его задача – чтоб исполнилась воля Отца!

– Не-е, ошибаешься, дорогой... Он – просто неудача с Эдемом. Первый блин, как говорят, который комом! – лениво ответил-промурлыкал мелкий, при этом его физиономия, щекастая и небритая, выражала полное довольство напитком, теплом, компаньоном и беседой. Он ещё пару раз мурлыкнул что-то непонятное и вдруг явственно всхрапнул, отчего дёрнулся и проснулся.

– Пардон, миль пардон, – извинился он и повертев круглой головой, вдруг зашипел: – Куда ты смотришь, баранья башка? Менты прут, не вишь что ли? Прячь всё быстрее...

Одноглазый сунул руку за пазуху и движением фокусника, выдернул оттуда зелёное махровое полотенце или простыню, которую мгновенно накинул на бутылки. Если бы кто-то поблизости наблюдал за ними, он бы поразился тому, как успешно был проведён сам маневр: рядом с этими не слишком-то приличными господами, оказывается, ничего и не стояло...

Когда патруль ППС прошёл, одноглазый также, одним движением руки, сдёрнул маскирующее полотнище и, мгновенно скрутив его, сунул туда же, откуда доставал.

– Ну что, месье Азазелло, не пора ли и нам возрадоваться? – задал вопрос коротышка. На что одноглазый радостно ослабилась и складно хрюкнул:

– А как же, Бегемотик, дорогой – нет лучше удовольствия,

чем выпить мне с тобой! – хохотнули оба, а толстячок ещё и оттопырил большой палец со странным крючковатым ногтем... или когтем.

Налили в копеечные пластиковые стаканчики и выпили с наслаждением. Каждыйпил своё: одноглазый – французский коньяк, а карлик – пиво етого разлива. Он и продолжил мысль, недосказанную в прошлый раз из-за чрезмерного утомления его организма в борьбе с почти «зелёным змием»:

– Беда, мой друг, пришла внезапно – вмешался фактор, неизвестный прежде! И мыслящая плоть, заполучив свободу выбора, вдруг стала проявлять свой склочный отвратительный характер, который оказался гремучей смесью эгоизма, жадности и злобы! – вот так, мой друг!

Произнеся свой спич, малыш увеличился в размерах: раздулся, задрал голову и распушил усы... а Азазелло радостно заржал так, что вздрогнули кони над Большим Театром! Чуть отсев от партнёра, он заплодировал, вытянув в его сторону руки:

– Вот-вот, за это и нужно выпить! Непременно!!! – назидательно сказал он, и тут же, явно фиглярствуя, добавил, – Ведь если бы не ЭТО препечальное, преогорчительное обстоятельство!!! – на кой бы мы нужны тут были?! А?

– Да-да-да! Совершенно с вами я согласен – раздался третий голос из-за спин сидящих.

Коротышка, совсем как уличный кот, подпрыгнул, в воз-

духе развернулся на 180 градусов и опустился на четвереньки, усы его стояли дыбом. А Азazelло ехидно засмеялся и сквозь смех прохрюкал:

– Ты что, мой друг, не знал, что он давно уж здесь, и затаился в сумраке за нами? Барон Коровьев! Выйди и перестань смешить меня – я слишком-слишком много выпил...

Худой и длинный в коричневой куртке, явно с чужого плеча, в столетнем канатъе, с немытыми годами рыжими волосами и в треснувшем пенсне, подсел к ним третий, кого один из них назвал – Коровьевым. А тот вдруг сообщил им:

– Я не один, со мною вещей Ворон. Всё знает эта птица... иль не птица? Но знает сей вещун чрезвычайно много! И вот, казалось бы, откуда что взялось? Не больше петуха! И голова – с орех... и где там что? Но что не спросишь – отвечает! Бывает, правда, невпопад, бывает даже вовсе мимо брякнет! Но говорит с уверенностью строгой. Хотите здесь его проверим? Эй, шельма, где ты есть?

Откуда-то послышался придушенный голос:

– Я здесь. Достань меня из этого вонючего мешка, твоими потрохами пахнет здесь, и я боюсь стошнит меня...

– А-а-а, я совсем забыл, наказан карцером за болтовню без тормозов. Друзья мои, вещатель сей уж больно говорлив и крут его норы! Бывает иногда и остроумен он, но не так часто, как хотелось бы, миньон, и в те моменты становится несносен он. И вот тогда лишь карцер для него, меня спасает от безумия его!

С этими словами, жестом фокусника, Коровьев достал из своего внутреннего кармана как будто бы здоровенный букет тюльпанов, мрачных фиолетово-чёрных оттенков – непонятно, как они там помещались. Затем, опустив руку и энергично встряхнув «букет», Коровьев показал им, что это никакой не букет, а птица и весьма значительных размеров, которую он крепко держит за голову и клюв.

– О! Миль пардон, – сказал он и быстрым движением поставил вещуна на ладонь другой руки. Но стоило ему отпустить голову ворона, как тот энергично покрутив клювом, долбанул им своего хозяина по краю его серой шляпы-канатъе, и заорал:

– Тварь рыжая бесстыжая! Ты как посмел, осёл не мытый, так обращаться с вещей птицей?!

В ответ Коровьев поставил Ворона на холмик и, снявши шляпу, несколько раз преувеличенно низко поклонился Ворону, не обращая внимания на смех Бегемота и Азazelло:

– Прошу прощения, милорд! Уж больше этого не повторится. Я обещаю Вам!

Смягчился Ворон, походил по холмику, потряс крыльями, хвостом и прочими перьями, затем повернулся к публике спиной и демонстративно приподняв хвост, опорожнил кишечник – всё, отомщён! С видом полного достоинства вернулся Ворон в круг и сразу приступил:

– Ну, – сурово гаркнул он, – о чём тут разговор? Спросить хотите вы меня о чём? Я вас простил сегодня. Задайте свой

вопрос.

– Мы тут с коллегой спорили об очень щекотливой теме, – начал Азазелло, – и нам хотелось бы услышать Ваше мнение, милорд. Суть этого вопроса в том, является ли наш Творец отцом того, кого мы все считаем Первым Ангелом и Первым Сыном? Действительно ль, рождение его желанно и предрешиено? Иль, может, он – последствие случайных столкновений инвариантных сил? Так часто в жизни образуется оно...

Ворон, выслушав вопрос, важно кивнул, мол, всё понял. С минуту стоял с задумчивым видом и постукивал мощным клювом по бутылке с коньяком. Азазелло, даже наклонился, в надежде поймать падающую бутылку, но обошлось. Ворон прекратил стучать-звенеть и быстро-быстро завертел головой, возможно укладывая мысли в ряд. И вот он начал речь, но начал как-то непонятно, как будто продолжая чью-то мысль:

– А Первый Сын Творца – есть первый опыт рождения мыслящей материи, способной выносить-взлелеять Душу – единственно пригодный материал, для созидания будущих Сынов Творца! Рождён он был, как Первый Сын, возможно и не самый лучший, но стал он Левою рукой Отца. Той, что несла порядок в мир... и не было пути иного, а был лишь только этот путь!

Чтоб вам понять я вынужден месье напоминать:

«Беда пришла внезапно, вмешался фактор, неизвестный прежде, и мыслящая плоть, заполучив свободу выбора,

вдруг стала проявлять свой склочный гадостный характер, который был коктейлем эгоизма, жадности и злобы!» – вы этого не позабыли? Тогда имеет смысл продолжить:

– Какого материала ждать от них – прошедших грязный и кровавый путь?! Какими будут Души их и как спасти Проект? Тяжёлые вопросы и требуют они гарантии успеха! И стало ясно: пряник – то не путь! А к прянику и розга – не помеха! Вот и родился Первый Сын – как плоть Творца, как новый алгоритм для управления своенравными потомками Эдема!!!

И сказав это, Ворон поставил точку! – долбанул своим, наверное, железным клювом по красивой бутылке так, что от неё полетели куски во все стороны! Но Азazelло сумел подхватить нижнюю не расколовшуюся часть бутылки, в которой ещё оставался драгоценный и желанный напиток...

А Бегемот и Коровьев встали и принялись аплодировать Ворону. Азazelло, собравшийся наорать на него, вдруг передумал, и решил в отместку украсть аплодисменты: повернулся к аплодирующим и стал раскланиваться, будто это ему предназначались все их знаки восхищения... Но Ворон был ревнив и спор на быстрые решения: и тщательно прицелившись, он долбанул ещё два раза! Один раз в доньшко полу-бутылки в руке у Азazelло, чем доконал её. Второй раз – в задницу обидчика Азazelлы, когда тот резво наклонился за выпущенной драгоценностью, пытаясь вновь её спасти...

После того, как Азazelло прекратил вопить и материться

на всех известных языках, Ворон, предусмотрительно отлетевший на безопасное расстояние, добавил, совершенно явственно ухмыляясь:

– Задача скульптора – отсечь ненужное! – ты это понимаешь, грязный чёрт? Вот ты – ничтожный раб своего эго! Хотел украсть кусочек МОЕЙ славы... а у своих, как всем известно: позорно воровать! Их крысами зовут таких. И клюнул я туда, где хвост у крыс растёт... но почему-то нет хвоста! А значит – есть надежда, что ты ещё не превращался и меж людей пока остался. Скажи спасибо за диагноз сей, куриное гузно... но-но-но-но!! Не надо так смотреть последним глазом! – и Ворон торопливо поскакал прочь... хотя не далеко, и встал там, где было безопаснее, нахохлился и замолчал.

Коровьев, глядя одним глазом на ворона, а другим на Азazelлу, хлопнул в ладоши, привлекая внимание, и бодрым радостным голосом сообщил:

– Почтеннейшая публика, как вы успели все заметить – сбывается Закон! Закон о сохранении Энергии. Я поясню: забрав всю выпивку у нас, вещун нас одарил прекрасным новым Знанием о Сути и Начале Действа – которое в народах многих Замыслом зовётся! Никто не возразит? – он внимательно оглядел компаньонов и продолжил:

– Закон и в Африке – Закон! Поэтому не стоит обижаться на исполнителя Закона или носителя его. О чём бы я хотел сейчас сказать... так это лишь о том, что выпить нам не

миновать! А я ведь знал, как повернётся здесь игра! Цените, господа, предусмотрел сей поворот, прошу внимательно смотреть – и апп, и во-от! – элегантным движением он достал из-за пазухи точно такую же хрустальную красавицу-бутылку, как ту, что уничтожил его мстительный друг. Под аплодисменты друзей он установил её на место предыдущей.

– Ну что, пора – друзья мои? Пора! Давай-ка, Бегемот, налей... а я пока к профессору на пару слов... – и он подошёл к Ворону и что-то пошептал ему. На что тот замотал головой, сбив клювом пенсне с носа Коровьева.

А тот опять наклонился к Ворону и стал чем-то прельщать вещуна... и видно, улестил! – клюв описал движение «ага». И вот, они вернулись в круг, на четверых разлили и Коровьев встал. И произнёс свой спич:

– Всегда! – подумал и добавил, – И не без основания!

Затем он выпил, и все за ним – и даже Ворон. Когда с процедурой было покончено, Коровьев, постучав ногтем по пластиковому стакану и извлекая этим мелодичный звон, как из хрустального фужера, потребовал внимания:

– Друзья мои! Прошу вас, поглядите друг на друга... Вот так, вот так – глаза в глаза! Что видите? Я допускаю: каждый видит то, что хочет и то, что он предполагает – пока что спорить, кажется мне, не о чем. А если глубже в суть вопроса мы нырнём, а если – шаг назад... и разглядеть издалека? Что можем мы увидеть?.. Попробуйте, друзья, снимите шторы! Ведь мы, как лошади в Москве, зашорены, как окна в

шторах! И наши бывшие партнёры – такие же, в таких же шорах. И шоры те скрывают суть! Мы главное забыли разглядеть: мы БРАТЪЯ все! – об этом не забудь, на нашей маленькой Земле!

Он замолчал и принялся задумчиво разглядывать своих партнёров, будто примеряя их к роли братьев. И на лице его отразились сомнения... тогда он уточнил:

– Осознаёте суть вопроса, братцы? И мне уже не нужно сильно напрягаться? Так вот, вернёмся к нашим овцам и баранам, кого пасём мы и наставляем поздно или рано. Ведь даже если мы, проживши сотни дивных лет бок о бок, не видим братьев и друзей друг в друге... какие же они, те подопечные, что жёстко правим мы, как лезвие на круге?! Хотя вопрос излишне риторичен и, по большому счёту, он – вторичен! А первым должен быть вопрос о глине, пардон, о материале, чем слеплен человек, подобно всей другой скотине...

Вот, добрались до сути человека, её не изменить! А Замысел, совсем как пароход, и пароход тот набирает ход! А мы здесь, словно черти-кочегары, стараемся вовсю: подбрасываем в топку уголёк, хотя бывает жаль иных из них. Одно бывает утешает: возможно, со второй попытки кому-то полегчает пройти свой путь не оступившись, и миновать препоны! Когда мы станем подстрекать, когда предложим что-то взять – сумеют устоять, не взять чужое! Удержаться! А может даже, подарить своё – со скарбом, золотом и жизнью

расстаться! Во имя Замысла и нашего Творца!!! – барон задумчиво почесал кончик носа... и внимательно взглянув на компаньонов, продолжил:

– Ну а теперь, ежели реплик нет, нальём и опрокинем мы ещё один фуршет! Виват, Мессир, виват!!! – закончил он свой спич и тут же вдруг заметил, что вещун исчез. Позвал его барон:

– Эй, Ворон, где ты? Я не вижу вещуна? Какой случился с ним приват? Мне кажется он не настолько простоват, и сам всё нам сегодня доказал...

Коровьев, приглядевшись к береговой растительности, что-то разглядел:

– Ага, вон он, повис в кустах. Что происходит там с тобой? Случаем, ты недохлый птах?

– Нет-нет, я просто не терплю котлет! Особенно, когда их с коньяком... р-р-р-р... р-р-р...

– Ты не рычи, ты толком сообщи: каких-таких котлет и где ты видел их?

– В твоём вонючем, чёрт, кармане! Когда меня ты там держал, как хрен, пардон, в стакане...

– Но-но, поаккуратней там, насчёт котлет в моём кармане! Я сроду там котлеты не носил, под дурака я кстати тоже не косил. Ха!!! Секунду... ха-хха-хха-ха! Вы не поверите, этот мудрец-простак, здесь в темноте сожрал весь мой жевательный табак! Аплодисменты, господа, аплодисменты!!! Прошу, пардон, месье, бывают же моменты!.. – Коровьев ка-

кое-то время давился от хохота, а когда успокоился, сделал очень серьёзное лицо, и стал вещать жестяным голосом:

– Так ты теперь профнепригоден стал? И кто ж теперь займёт твой пьедестал? Теперь я очень сомневаюсь в разуме твоём, хотя я и вчера не очень был уверен в нём... Ну, что ж, вещун, ты можешь нас в обратном убедить, ответив нам на три вопроса от каждого, кто здесь сидит. Согласен? Или тебе пора уж уходить?

– Согласен я, согласен! Условие и свод игры мне ясен. Давайте свой вопрос!

– Ну, что ж, друзья, давайте вновь, как выпал рост! Начнём... – успел сказать барон и тут раздался вопль:

– Опять по росту! Опять последний я! Да, сколько можно? Надоело каждый раз одно и то же!.. Отказываюсь я – и это декларация моя! – Бегемот свирепо плюнул и отвернулся, сев спиной ко всем.

– Ну, Бегемот, не нервничай, шас всё наоборот! Начнём мы с меньших, и если не умрём от скуки или смеха, то третьим буду верно – я. Теперь устраивает очередь тебя?..

– Во-от, так другое дело! А то дискриминация мне очень надоела... – Бегемот задумался, скинул башмак и стал нервно чесать ногой за ухом:

– Вопрос... гм-гм... угу... вы знаете, я сразу не могу! Сосредоточиться мне нужно! Лишь две минуты – а вы пока молчите дружно!

Все замолчали, выпили фуршет, но вот и ожил Бегемот:

подпрыгнул, пробежался вдоль берега реки, вернулся, встретился и расправил плечи:

– Экзамен не для простаков! И будет мой вопрос таков:

– Мессир – наш шеф, пардон, Любимый Шеф!!! КТО ОН И КАКОВ? – вот мой экзамен, мой вопрос.

Коровьев нахмурился и неодобрительно покачал своей шляпой-канатье:

Ну, Бегемот, придумал ты экзамен! Хотя звучит он коротко и ёмко, но слишком безразмерен твой вопрос – наш Ворон здесь сломает себе нос! А ты что думаешь, вещун?

– Легко! – ответил Ворон, выпучив глаза. Откашлялся он хриплым басом, по сторонам громаднейшие крылья разведя, призывал аудиторию внимать, и начал лекцию читать. И снова не с начала, а будто книгу на попавшейся странице увидел:

– Всегда таков был он, как и миры, что опекал: да, с дефицитом доброты и мягкости в решениях своих! С решимостью суровой принимаемых им мер! – несомненно! Да – не знал пощады к тем, кто Замысел делами не щадил!

Родился он в час смерти незабвенного Эдема, что Первым Миром был в обойме у Творца. Родился страшно и мучительно, в тот час, когда в безумном пламени сгорали все, кто был любим Творцом, но не ценили любви и нежности Отца. И не было ничьей вины в их гибели, а только лишь их Зло! То Зло, что родилось меж ними и стало главным фактором в судьбе прекрасного Эдема... Он был птенец, родившийся в кровавом том гнезде!

И так стал Мир. Огромен был – не счесть планет Проекта (хотя Сын Бога знал число). С тех пор и путешествует Незнающий Покоя, из одного в другой миры и все они есть сфера приложения его талантов...

Ворон замер, будто выбирая текст дальнейший, и вот продолжил, явно что-то пропустив:

– ...Из нелюбимых им была, казалось бы, благополучная планета – дочь гнома жёлтого, в одном из рукавов галактики спиральной, с названием «Земля». Сюда он возвращался много раз – работать приезжал, не напоказ: народец больно здесь был плох, пришлось быть гостем всех народов и эпох.

На заселённых Разумом планетах, подобно скульптора искусству, он должен был отсечь ненужное! Ненужное Проекту он искал и отсекал без колебаний... но на Земле-упрямой, чрезмерно много приходилось отсекать! И начинало это раздражать Отца. Но понимал Он: без Сына мудрого, как и Творец, без честного судьи, не знающего слова «жаль», подобно палачу, Его Великий Замысел был обречён!

– Шикарно! Шикарно! – заблеял Азazelло, оглушительно аплодируя вещуну.

Коровьев тоже аплодировал, но шляпой и по колену, а это было так громко, будто сумасшедшим дали несколько литавр! Бегемот сидел, зажавши уши болезненно морщась, а Ворон был чрезвычайно рад: церемонно кланялся, распустив чёрно-фиолетовые крылья, кивал каждому головой и улыбался.

– Ну, Азazelло, твой черёд, ты приготовил свой экзамен? Смотри, не подведи.

– А как-же! Вот мой вопрос-конфетка:

– Велик-могуч и мудр Мессир, в нём столько от Отца-Творца! – хотя есть и суровость воина. На всех планетах, где Проект расцвёл, он – сэр-шериф, как принято здесь говорить! Он – Мастер Комбинаций! И так его запомнили – ведь не запомнить всё, что делал ОН нельзя! Но это всё прелюдия, а вот сама экзаменация моя:

Как местные запомнили народы его по именам и по делам?

– Что Ворон-вещий, готов ответить ты, или опять, не ту страницу отворишь, –спросил ехидно Бегемот. Ну а вещун в ударе нынче был, без подготовки начал он:

– У него было много имён. Разных у разных народов. Кто-то звал его звучно – Баал, а соседи их – Вельзевул. Народ пирамид призывал его – Тотт, а народы, пришедшие позже, знали имя его – Люцифер-светоносный, а ещё Сатана!

Но имя сути его не меняло: он был сыном Отца, безгранично подвержен Ему и Проекту. Был он, чтобы Замысел Отца осуществился, чтобы в Мире не была утрачена важнейшая составляющая Замысла – Справедливость, когда каждое преступление и незаслуженная обида караются справедливо!

Только в нижних мирах не хотели понимать того – они думали иначе! Зачем помогать слабым? – нет никаких при-

чин. Сильный выживает. Не понимали, почему следует щадить не самых умных дальновидных, бесхитростных и простодушных – они слабы, им места нет. Почему нельзя забрать у них то, что удержать не могут те? Ведь ум дан человеку – вершине эволюции, чтобы выигрывать все схватки! Борьба за жизнь – первооснова мира! И ум дан, чтоб побеждать всех, кого можешь победить! И стоило ввести такие правила, как Справедливость – непригодным станет этот мир. В мире том нельзя украсть и отнять – осуждаемо будет! Нельзя используя лукавый ум и власть, обирать простодушных, смеясь над ними. Нельзя за их счёт, стать важным богатым и гордым собой! – а ведь это и есть главный смысл жизни для многих и многих землян!

А Справедливость – есть, как Закон! Но есть и проблема: Справедливость – нежный цвет, не выживает она, где Эго превыше Любви! Ведь Эго иных безмерно – вот и нужен Проекту «садовник»! Нужен в мирах, где затоптали аборигены её, думая, что Справедливость – просто слово и более ничего!

– Вахх!!! Харрашо сказал! – воскликнул Азазелло, и принялся кланяться и аплодировать одновременно, на что Ворон обиженным голосом заорал:

– О-опять! Опять ты за своё... а это всё моё – не трожь!!!

Бегемот и Коровьев переглянулись, хлопнули друг другу руки, и Коровьев тут же объявил:

– Я так и думал, но хочу проверить. И вот экзамен мой:

скажи мне, вран, где информацию берёшь? Я должен знать, чтоб оценить её надежность.

Задав вопрос, он стал внимательно наблюдать за поведением вещуна. А тот затоптался на месте, потом принялся ходить кругами возле сидящих, потом остановился и прихватив клювом одно из перьев на крыле, задумался... и наконец сказал:

– Не знаю! Имею ли я право раскрыть секретные истоки информации?! Гм-гм, возможно, это будет стоить жизни... иль мне закроют доступ. Иль то и это! И в крайней инкарнации я буду петухом... и хорошо, коль на яичной ферме – не в петушатнике каком! Но обещал я вам ответ, да и живу уж триста лет при этом теле – состарилось оно, и боли в крыльях надоели, исполню, так и быть! Но вас прошу внимательными быть: скажу лишь раз и повторять не стану!

Я – проводник, меж Общим Банком Данных, куда системно входят ноосферы всех планет Проекта, и Вип-заказчиком, которым в нашем случае являетесь все вы...

А информации здесь краю нет! Я и вопросов тех не знаю, которым бы не знал ответ. Творец-Отец так всё устроил: Банк Данных – Ноосферы – Проводник – Заказчик. Заказчиком признают каждого, кто Замыслу безмерно предан!

Ну что, ответил я на твой вопрос? Как видишь, жив ещё и цел мой нос!

А напоследок я хочу сказать, чтобы коньяк ваш оправдать: к вам едет РЕВИЗОР!

Я слышу-слышу, в ваших головах звенит: какой-то вздор?! – отнюдь!

Я говорю, что будет: к вам сам Мессир сегодня к вечеру прибудет!

Тяжёлые вопросы станет задавать и будет ОН решать: кому дела свои сдавать, чтобы в нижайшие Миры их отослать, кому здесь оставаться жить и продолжать ему служить...

Но вот и вечер: вернулся, тот Кто должен всё за всех решать и все заблудшие миры отшлифовать...

САММИТ. СБОР И СМОТР

Он прибыл и свистнул так, как только один он и мог! И дрогнул этот мир! Зашевелились многие, кто уже забыл, как это делать. И двинулись они туда, откуда был призыв...

Он выглядел также, как и в прошлый свой приход, и стоял на том же месте, откуда в тот раз уходил с этой планеты. Та же крыша, что и сто лет назад, и почти тот же вид, если не считать пары десятков высоких домов. Та же гроза или её правнучка – нет никакой заметной разницы! А за спиной его стояли тесной группой несколько фигур: некоторые из них не изменились с тех пор, как он покидал этот мир, а другие были кажется новыми...

– Доложите... – прозвучал низкий, как иерихонская труба, хриплый голос от звуков которого многие в группе присели, торопливо опустив головы.

– Позвольте мне, Мессир – попросил слова, чуть выступивший из темноты, низкорослый круглолицый тип, с животиком и покатыми плечами, сильно небритый, с волосами, торчащими из ушей. В руках он почему-то держал большой прозрачный сосуд с белесой жидкостью, похожей на разбавленное водой молоко. При этом он постоянно покачивался с носка на пятку и даже чуть приседал, то ли от волнения, то ли от каких-то других, не вполне ясных причин.

– Да, Бегемот, мы слушаем тебя – ответил Мессир.

– А мы, Мессир, – как Вы изволили увидеть, все вместе честно и бестрепетно несли свой крест... пардон! – Бегемот втянул круглую голову в плечи, – хотел сказать я – Карму. Мы делали здесь, что могли! Плоды гнилые обрезали! И гниль ту выжигали, где ещё можно было плод спасти! Учили наказаньем и словами недостойных, лечили, как могли и как должны лечить больное Эго – посредством боли тела! Но, как Вы сами видите, Мессир, увы! Плачевны результаты! – он качнулся особенно сильно и даже в испуге присел, – А люди здесь всё хуже-хуже, как будто не было усилий наших!! И я готов в отчаянии, Мессир, на плаху лечь немедленно ни минуты, ежели Вы найдёте хоть толику моей вины...

– Так кто же виноват? В чём дело? И отчего народ стал, словно скот? – страшно прогремел вопрос.

– Мессир, я полагаю, невозможным слепить клинок из глины! А уж из местной глины, нельзя создать даже сосуда, в котором можно было бы хранить высоких истин суть! О

Мастер, я даже большее скажу Вам... – коротышка взмахнул руками, входя в ораторский раж, но был прерван:

– Постой, угомонись! Ты видно позабыл, с кем говоришь... я это уже слышал в прошлый раз, не выставляй актёрский дар свой напоказ. Я не желаю слышать вновь о непригодности породы, о том, что кровь диктует правила и моду... Для них прошли десятки лет и жизни многих поколений, что видим мы? Лишь орды их, наполненные жадностью и ленью! Их нравы безобразны и срамны – а где всё это время были вы? Где результат усилий ваших?

Что есть – то есть: не лучший вид, как прототип изделий – обезьяна! Но у Отца большие планы! Не нам судить – нам исполнять! И всех, кто это не изволил здесь понять или с вердиктом не согласен, прошу покинуть этот мир! – приказ мой должен быть вам ясен: отбыть в резерв, там ожидать, определю вам мир иной, который уж не будет так прекрасен!..

Мастер замолк и внимательно оглядел стоявших перед ним, но все они замерли поникнув, опустив взгляды себе под ноги – никто не проявлял желания возразить. Помолчав, он спросил:

– Скажи, Фогот, что думаешь о всём происходящем? Ты прежде был неплох в суждениях своих...

– Мессир, я честно Вам служил. Всегда! И ради Замысла я делал всё что мог! Но и не ведающий страха и уныния, я просто изнемог от бесконечных подлых игр и гнусных дел, что тут ведут, кто ближних обокрав, назвать себя посмел –

«ЭЛИТОЙ»! Нет слов для оправдания, Мессир! В ком видели вождей, кто получал от нас поддержку и обещал служить во исполнение Замысла Творца, теперь как ржа мерзейшего болота, всё сущее вокруг себя сжирают, обращая в пыль и гниль!!!

Заражено пространство всей планеты! Ни Будда, ни Иисус, ни суры Магомета – не изменили суть породы сей. Я думаю, Мессир, что мир наш обречён! Лишь там, где с гнилью борются огнём, где пастухи ведут стада и ночью, словно днём – там новой поросли не смогут навредить! Лишь здесь Проект Творца способен победить!!!

– Услышан ты, Фогот. Ещё хочу узнать видение проблем, хочу услышать ваши предложения, как справиться нам с этим наваждением! Кто может нам рецепт спасения открыть, какое здесь лекарство применить, чтоб этот мир оставить жить?

Повисла тягостная пауза. Все молчали, понимая, что любая ошибка будет очень дорого стоить. И вдруг, кто-то из заднего ряда, раздвинув поникшую челядь Мессира, подал голос:

– Позвольте мне, Мессир... Я неизвестен Вам, представлюсь: в последней жизни был – барон фон Унгерн, что в смуте и крови, пытался справедливость отыскать. Точнее моё имя – барон фон Унгерн-Штернберг, Роберт. А в предыдущем воплощении грозой ромеев был со звучным именем – Атилла. Ещё в той жизни стал я понимать, в чём корень на-

ших бед! Богатый опыт экспедиций и побед, и жизнь ведущего на смерть людей, позволили увидеть корень сей: он в сути человека! И прав был Моисей, когда водил в пустыне сорок лет евреев, пока не вывел новый сорт людей, достойных светлой веры и святых идей! Да не сбылось то сохранить еврейскому народу – течение бурных лет и жизнь среди врагов – не лучший способ улучшать породу!

В боях за жизнь и за свободу, всегда предложен выбор не простой: погибнуть в битвах храброму народу, иль притвориться павшим духом, сломленным рабом, чтобы в момент, когда твой враг ослаб иль задремал, воткнуть исподтишка ему кинжал – и этим обрести свободу! Как выбрать тут? Чей выбрать путь? И каждый выбирает как-нибудь...

У всех, казалось бы, мораль и смысл! И даже брезжит правда этой жизни! Но главное не путь, а цель – спасти народ и обрести Отчизну! Когда высоки цели и задачи, тогда цена не знает потолка... а если человек живёт иначе? И за богатый стол готов продать себя? Да что себя! Готов отнять десяток жизней – тогда нет смысла говорить о Боге и Отчизне! А их пространство – это скотный двор! И гоминид, ценящий чрево выше Совести и Бога – то просто вор! И для таких мой краток приговор!

Печально – на Земле забыли о Любви! О той, что нам Христос с собой принёс! За суетой забыли мы о Братстве! Любовь теперь лишь секс, а братство лишь в пиратстве! И то, и это – признаки распада, а люди наши стали словно стадо!

Народ становится, как скот – и это видимо, кому-то надо! Кому-зачем – понять не сложно: ведь стадом легче управлять, а пастуха тиранить можно! И пастухи земных всех стад готовы лобызать хозяевам их зад! Ведь у хозяев тех и банки, и станки – цветные фантики без тормозов печатать и стаду их за ценность выдавать! А стадо радо бляеть и скакать – им фантики подай, и большего им, кажется, не надо!..

Пока система такова – ничто спасти Проект не сможет, и урожаю Светлых Душ ничья уж помощь не поможет! Чтобы спасти Проект Творца, не обойтись нам малой кровью!!! Разрушить схему до конца, всё обнулить – на ноль помножить: хозяев, банки, близких слуг – всё это надо уничтожить! И лишь тогда, как в чистом поле, с нуля и с чистого листа, нам нужно снова начинать – историю Земли писать!

– Занятно!!! говоришь, барон... и смысл есть, и резон! Благодарю!

Ну, а ещё какие мысли-чувства вас гнетут? Я это слышу-слышу! Быть может, неисполненный мотив иль жизнь несостоявшаяся выжигают душу? А может, и обида – горький яд, кипит и бьёт струей наружу? Откройся, поделись... я – жду...

Челядь Мастера стояла молча, потупив взоры, желающих высказаться, казалось, больше не было... Но нет: вот кто-то, и опять из последнего ряда, бесцеремонно расталкивая стоявших перед ним, шёл к Мессире молча. И вышел он...

Это было до крайности странное существо, похожее на за-

бинтованную мумию времён фараонов. С одним лишь отличием – бинтами здесь служили детские пелёнки со следами запекшейся крови...

– Хозяин, это я, ты узнаёшь меня? Не только узнаёшь, но даже именно ко мне, ты обратился! Представляюсь остальным: я тот, кто имени не заслужил! Кто просто в этом мире не родился! Кто не дожил до счастья – имя получить! И потому я выбрал имя себе сам, когда тебе, Мессир, я стал служить. Хотя спросить, кому тут интересно, как звать того, кто нерождён и не воскреснул в час высшего восторга в ложе родовом? Я – то суммарное безликое ничто, обидели которого вы, кто – не дав вздохнуть ему и раза, не дав увидеть свет, убили, поспешая на обед!

И вот логичный мой ответ: к вам, кроме жгучей ненависти и жажды исполнения приговора, не знал я чувств иных! Хоть младший я, в колоде моего Мессира, но козырь я – трефовая секира! Да, вот ещё, «сиятельные господа», вам назовусь: Dream-out – я! Вы это имя вспомните тогда, когда придёт ваш час молить меня!

Теперь, Мессир, о деле и вопросе: что делать с этой планетой и с биомассой этой? Итак я рассудил: Жизнь и Любовь, и Право мыслить, Жизнь зачинать, любить своих детей – не это ли Дары Творца?! Не это ли для всех награда – пройти дорогу до конца!!! Пусть та дорога не всегда длинна, но сделать нужно всё, что должен в жизни! И даже больше, может быть, для Бога, Замысла, Отчизны! Чтобы пришедшие

на смену, смогли тебя не позабыть...

О, чёрт! И как мне быть? Украденную жизнь как я могу простить?! Кого среди вас могу назвать я другом, среди тех, кто убивал младенцев нас, и этим выводил из круга! Из круга Жизни и Любви, из круга дивных воплощений! Вам глубоко плевать: кто пекарем мог быть, а кто был гений. Я вижу здесь, на этой сцене: презренье, эгоизм и спесь – в глазах у вас стоят их тени! Вы таковы, как и исходный материал и в этом грамма нет сомнений!

Мессир, взгляни внимательно на них – кому доверили решение проблем?! Неужто видишь здесь таких, кто был, когда он нужен – скор, а если нет – то тих... Весь Замысел Творца Велик, но мир Земли несостоятельно безлик, чтобы Проект здесь можно было воплотить, и на других планетах, равных этой, как на полях мечты миллионы Светлых Душ взрастить! Безумно труден этот путь... да, некуда с него свернуть!!!

Толпящаяся челядь, после вызывающей речи палача, была возбуждена и враждебно гудела, как растревоженный улей. Но голос Мастера перекрыл всё:

– Суров, Dream-out, приговор – ты здесь сказал, как прокурор! Мы слушали тебя, но сделать так, как ты б желал, нам не позволят Дух и чистый разум! Да и Творец, я думаю, не будет рад подобному решению, а значит, не закрыт парад и для других воззрений.

Теперь иную сторону мы выслушать готовы, кто мягче освещает мир и принципы его не столь суровы... Вы не стес-

няйтесь, господа, не заставляйте нас почувствовать нужду, ведь в равновесии – баланс! Я терпеливо жду...

А толпа всё негодовала. Даже последнюю речь хозяина почти не слушали: ненависть и ужас от речи, где им угрожал палач, переполняли их. Ситуация не обещала ничего хорошего, ведь помнили они, как их хозяин, Божий Сын, казнил иных из них подряд три раза – воспитывал их всех, и на чужом примере наставлял!

Но на призыв Мессира вдруг откликнулся маленький худенький человек, из тех, что в толпе и не разглядишь. Одет он был, как бродяга, давно забывший, как выглядит мыло и динарий. Он сделал полшага и негромко произнёс:

– Позвольте мне, Мессир, сказать в защиту сих людей...

Человек замолчал и стал ожидать решения, опустив голову. А Мастер вдруг заинтересованно уставился на него, будто увидел редкостную невидаль:

– Давай-давай, скажи, коль смел, а для начала назови нам имя...

– Иудой мама назвала меня, а люди дали прозвище – Искариот!

– Ба-а!!! так вот откуда знаю я тебя! Ты – тот, кто принял вечный срам, не заслужив его реально и на грамм!!! Ты – шерп, кого Мечтатель наш уговорил участвовать в игре, в которой ставки он всё повышал... и, наконец, поставил жизнь... и проиграл! Хотя, как посмотреть... Мечтатель знал, что этим и закончиться должно! Он много знал – ему

Творцом дано!..

Конечно, отдал жизнь Иисус свою не зря – он нёс вам Свет! И новая Заря на горизонте для людей Земли была... Но какова её цена? Сгорел он быстро, словно факел, а мог светить ещё сто лет, приняв мои условия и обет. И тот обет никак нельзя забыть: кто виноват – наказан должен быть!

Играть всем следует по правилам моим:

За зуб – весь ряд! За око – два! – вот, справедливость такова!

И принеся те правила народам, он сильно помогал бы всходам Морали новой, пусть – суровой, но тем способной Урожай спасти...

– Мессир, постой! Прервать тебя я должен! Позволь произнести? Несправедлив ты!!! И было ли когда – тебе им стать? Ведь сердце у тебя Любви не знает – ты не рождён в Любви! Я это вижу-знаю. И пусть не знаю, как родился ты, но точно не в Любви, а в злобе и страданиях, в огне и крови страшных дел, я думаю, рождался Старший Сын Отца – Творца всего, что было, есть и будет...

– Остановись, Иуда! Границы потерял, ты позабыл, кто здесь?! И отчего вся эта спесь, что гордо здесь несёшь? Ничтожен ты, как плесень на подошве! Ты – тень, и больше ничего... тень даже для патрона твоего! Ведь это он тебя толкнул идти к властям, чтобы предал его Синедриона страже?! Я помню, не хотел ты: плакал и молил избавить страшной участи тебя – в веках прослыть врагом людей, стать симво-

лом греха! Но нет, не уступил Иисус! Был твёрд он, как алмаз, хотя среди других, вернее друга, чем Иуда, не нашёл бы! Пожертвовал тобой: то, мол, расходный материал – не так ли, дорогой Иуда?

– Да, в этом, Сатана, ты прав! Ему я уступил, когда он попросил. Но он – рабби, Он лучше знает: что надобно сейчас, а что назавтра наступает... Принёс он верных правил свод и стал учить вести народ под сводом тем к Великому Создателю – превысшему Творцу, чтобы нести Ему Любовь свою! Как мог я отказать в ничтожной малости такой – как жизнь моя?! Как отказать Ему, Несущему нам Свет! – ответь, коль сможешь, мне, Божественная Плеть!

– Да-а, светел, как маяк, Иуда! И жертву за Учителя принёс! А как же стало то, что служишь ты при племени моём, и служишь, словно пёс и ночью, словно днём? Не тем – из поднебесных... ты служишь мне, тому, кого твой рабби врагом своим и мира назначал!.. Ну, напряги мозги – ответь! И освети ещё, коль есть чему гореть...

– Да, не святой я! И виноват перед Творцом не делом я, а словом и обидой... Ведь я хотел, как Иоанн и как Иисус, народам, избранным нести Свет Истины Любви и Доброты! А что в итоге?... я проклят на века людьми! В чертогах Бога нет места для Иуды – и это не исправить никогда! А что до пса, то – да! Всего лишь пёс ничтожный я, что в огороде Бога хранит Его посев от разного воря!

Однако Сатана, челядь твоя не лучшего пошиба – ты не

своди с них глаз, а то всё будет криво... Им только б соблазнить кого на грех, и чем страшнее грех – тем им всем кажется, что больше их успех! У них задача – соблазнять, чтобы примерно наказать! Надеюсь, ты не станешь это отвергать, ведь ты и сам непрочь такие шутки вытворять!

– Иуда, ты для меня, как меди – купорос! И не тебе меня судить – калибром не дорос! Да, вот ещё: не твой вопрос мы здесь пытаемся решить. Ты, если можешь говорить, по сути говори, мы сможем обсудить! И суть вопроса тут весьма проста: прощать-сюсюкать, ждать ещё иль всех казнить!!! И после вновь начать народы разводить, в надежде получить достойную породу, а не толочь в стакане воду...

– Как можно так безжалостно судить?! Как всех безвинных агнцев убить?! В своём ли ты уме? Не заплутал ли ты в своей любимой тьме? Невиданное преступленье затеваешь Сатана – Творец вовек вам не простит такого Зла!

– Иуда, ты наивен словно птах, рождённый в инкубаторе вчера! И где должны быть знания и ум, в тебе видна огромная дыра! Так знай Маяк: на каждой из планет-плантаций, что в Замысле Создателя стоят, бывали неудачи и провалы, но все они по графику летят: как век – так в Ноосфере новый слой, как слой – так новый уровень ума. А на планете той, которую зовёте вы Землёй, до вас другие жили, не зная даже о планете таковой! Они, быть может, и до сих бы жили-были, но вот беда – у буйной плоти, как всегда, нет правил цельных и ветрил! И как бы их Создатель не корил, они хотели только

удовольствий – им дела нет до Целей Высших Сил!

А значит – это выход мой! Я в мир тот прихожу, чтоб чисто сделать грязную работу. Ведь там, где «правая» рука не в силах узел разрубить, там «левая» должна всё завершить! И мы идём вернуть заблудшие плантации Отцу – не раз так было в тех запущенных мирах!.. – следы тех неудач находят часто в угольных пластах!

– Не может это правдой быть! Ты лжёшь, нечистый, Создатель не простит!

– Сходи к Нему – Он подтвердит! И вот, ещё: ты надоел, Иуда, до икОты мне! Пошёл-ка прочь, и не встречайся боле, а то испачкаю я руки поневоле... Тебе мои последние слова: ты, драгоценнейший, забыл наверняка, что я есть сын Великого Отца! Пусть не из самых Светлых, но тоже сын Творца! Кривить Душой и словом мне и по сути невозможно, а пред таким, как ты... – даже представить сложно!

Итак, ко всем: сегодня здесь стоит вопрос о завершении! Нам следует теперь принять какое-то решение, вопрос не прост: как с этим миром быть – решим надолго и всерьёз! Склоняюсь я, поставить нынче же перед Отцом запрос, о статусе Земли. Признать её банкротом, считать, как Эртель-Ю – законченным уродом, где невозможно вывести породу, способную смирить свой эгоизм. А, может, кто-то хочет возразить и предложить: признать всю популяцию ещё не миновавшей кризис юности, и далее чуток понаблюдать – глядишь, лет через тысяч шесть иль пять и здесь созреет плод,

которого Творец так ждёт! Что думаете, приближённые мои? Иль всё уже сказали накануне вы?..

И в этот момент всё окружающее пространство внезапно заполнилось почти непереносимым, чудовищным звуком, похожим на гром барабанов и литавр, который всколыхнул группу, как порыв сильного ветра. Челядь Мессира немедленно присела в низком поклоне, все, кроме хозяина и того, кто ранее назвал себя Dream-out. Последний лишь слегка повернул голову, закутанную в кровавые пелёнки, в сторону, откуда шёл звук, и его бездонные глазницы равнодушно уставились, в ожидании появления нового гостя. А Мессир был неподвижен, только на лице его появилась улыбка, полная надменности и сарказма.

Воздух, неподалёку от замершей в поклоне группы, слегка заколебался, по нему прошла рябь, и вот она материализовалась в фигуру, похожую на римского патриция в длинной белой тоге с золотистым облаком вокруг головы, отчего черты лица нового гостя были размыты и неясны.

– Ба-а-а! да это брат Гаврила – собственной персоной! Признателен и рад увидеть брата, хоть недоумеваю в поисках причин явления архистратига Гавриила! Насколько мне известно, здесь Апокалипсис ещё не начался – решение не принято! И даже провозвестники ещё не появлялись...

– Ты, Тёмный Ангел, не шути! Когда ты шутишь, история меняться начинает! И так ты нашутил уж не с одной планетой! Отец меня прислал узнать о ходе дел и мнение твоё: воз-

можно ли на сей планете, нам получить достойное жнивье? Здесь, брат, старанием твоим – ничтожен урожай! Кто станет с этим спорить, похоже, эта грядка не намерена родить? Нас темпы роста будущего брата беспокоют! Но и не только рост, а также – Чистота! Не очень светлым получается ребёнок – ты не находишь, Сатана?..

– Да, хорошо работает твоя разведка! И сведения о ходе дел верны, и прибыл вовремя, а главное – эффективно! Однако же, намёки не совсем ясны! Ведь все мы знаем без сомнений: кто в этом мире – кто. И даже простодушный замечает: кто «тянет одеяло» и «роет под кого». Из речи этой понимаю – подозреваете меня! Мол, Тёмный строит пополнение для себя: с Земли прибудет новый Тёмный и станет Сатане, как сын! И будет так на всех планетах, и Тёмных станет не один!

Вы там, на Круге своём Высшем, придумали причину, меня анафеме предать, как видно надоело вам в кругу своём амбиции равнять! Устали без конца определять: кто выше и светлее, кто ближе к Трону и милее, тайм-аут взяли? Чтобы опять кого-нибудь по-быстрому распять! И как обычно, мои братцы крайнего нашли! А именно того, кто словно проклятый, пренебрегая Правом Обретенья Радости, дарованным Отцом, за сотни-сотен лет даже забыв о нём, для исполненья Замысла Творца метался по планетам без конца, без отдыха и передышки – его вам надобно распять и в чёрный карлик закатать!

И это – братья?! Славная семья! А кто же всю работу ста-

нет делать за меня? Быть может, ты, Гаврила, лелеешь сполохи надежд? Но как же блеск твоих почти божественных одежд? Ведь приступив к моей работе, изрядно кровью перышки забрызгаешь свои и станешь в Круге Высших неравнозначным ты...

Мессир замолк и внимательно оглядел свою свиту, что-то там увидел, кивнул и вполголоса бросил кому-то:

– С тобой я позже поквитаюсь... – и его бывшее тёмным и мрачным лицо, внезапно просветлело, разгладилось от морщин и складок – стало прекрасным и величественным, каким и должен быть лик Люцифера-светоносного!

Он поднял свою правую длань и оглушительно щёлкнул пальцами! От них в крышу соседнего дома ударила жаркая белая молния, ослепившая на мгновение челядь, а когда они смогли снова видеть Мессира, он уже стоял в чёрном широком плаще, на котором ярко переливались звёзды, очень похожие на те, что на небосклоне. Плащ на горле был стянут массивной серебряной заколкой с крупными сверкающими рубинами, а перевязь, на которой висела его шпага, была расшита золотом и украшена сапфирами и изумрудами.

Мессир обернулся к своему гостю и продолжил:

– Не сомневайтесь во мне, братья, здесь интересов личных нет! Планета эта – как болото, как хитро сложенный макет: лужайки зелены и мягки, но стоит только в них ступить, как ноги сразу увязают, а руку негде укрепить! Куда ни кинешь взгляд и что ж – приветливый обман и ложь! Все обещают

всё, что хочешь, и даже сразу не поймёшь! Канальи без стеснений врут – глядят глаза в глаза и лгут, и лгут! Ну, как с такими дело сладишь, как с ними можно говорить – они доводят до кипенья, и я готов был всех убить!!!

Одно спасало – бочка виски! Есть здесь напиток чумовой, один меня он здесь спасает: полбочки хлоп, и слышишь – тает! Обида, злоба и тоска! И вслед за ними наступает, как будто новая весна! Мне та-а-ак понравилось тогда – чуть не остался навсегда!

Ты представляешь, брат Гаврила, ваш Светоносный брат – АЛКАШ! Смешней сюжета не придумать... или смешнее что-то дашь? Представь, я в цирке мусор убираю, и в промежутках заполняю: репризы хриплым голосом кричу, и зрителям с большого пальца, за рюмку, прикурить даю...

Теперь, брат, о серьёзном. За миллионы циклов до сего, здесь были уж не глупые народы, хитро водили хороводы – но был у них серьёзный грех, вернее три в одном – такой коктейль, побей их гром!

Их главный грех был – эгоизм, не знающий пределов и границ, второй – гордыня, выше птиц, и жадность, как ползучая зараза – что делало их мир безумным сразу! Вот и пришлось устроить им войну, когда в туман зашёл их караван... И это сделал я, брат... конечно, с помощью солдат, из тех, что были моей свитой тогда. И я не сожалею никогда, что ту гряду зачистил я!

Хотя, конечно, как смотреть: плохое худшим заменить –

не лучше ль сразу всё стереть! Теперь вселились новые народы, ну а проблемы старые опять! Как ни вели мы их, показывая броды, они и в этот раз готовы воевать: рубиться насмерть за бирюльки, за бумажки, за сытный стол, за тёплый стул, уютный кров – готовы проливать друг другу кровь!!!

Чем лучше эти – тех? НИЧЕМ! Кто виноват, порода? Плохая энергетика Земли – сама природа? Как рассуждать, как выявить виновных? Возможно, здесь планета – зверь, бывал тут чаще – верь-не верь, чем на десятках тех планет, успешно порождающих продукт, который ожидает Высший Круг!

Но с самого начала было ясно мне, что труден будет путь, и как бы не прийти сюда опять на огненном коне! Архангел Гавриил, ты не забудь – на Круге рассказать, что прибыл к нам в день совещания, когда решали мы судьбу Земли и состояние – оставить, чтобы дозреть и подождать...

Или стереть и снова всё начать?! – Мессир замолк и опустив голову, замер. Казалось, он что-то рассматривает внизу, у себя под сапогами. Все молчали.

Сказал Архангел:

– Услышан ты. Обсудим на Совете и Круг всё установит: виновен ли кто здесь! Решение сообщим тебе...

Когда последние звуки, произнесённые Архангелом, ещё колебали воздух, он сам уже исчез, и лишь лёгкая рябь там, где он только что был, напоминала о нём... А Воланд сделал лёгкий поклон в сторону отбившего гостя и повернулся к своим солдатам:

– Ну вот, минион-с, Высокий Круг оповещён и ситуация – как арба с косогора! Куда придёт – туда и пусть! Но на меня напала грусть, хоть не сторонник её я – вы догадались уж, друзья?.. о смысле и её причинах? Я вижу, что не все...

Ну, что ж, раскрою карты: дрожь бьёт меня и не от страха или от кручины – от ярости здорового мужчины – а я втройне таков! Меня предали – это факт, и это акт – осмысленной активности скотины!

Ну что, ты выйдешь сам или, как водится, помочь? Трясёшься и молчишь ты, мелкий сволочь! Ага – идёшь! Похвально, что на это храбрости хватило! Ну, пропустите же его – он здесь! Работа есть тебе, Dream-out!..

Тишина...

– Dream-out!!! Почему молчишь? Ты спишь?! – громогласной взревел Мессир.

– Я слушаю, хозяин...

– Трефовая Секира, работа есть! Смотри – вот тот, кого казнить ты будешь десять тысяч лет, без перерыва на обед! И каждый день сначала руки будешь отсекать, за ними ноги, а уж потом – башку! Потом всё сложишь и оставишь до утра – сросётся там... а утром – снова, как вчера! Всё понял, мой палач?

– О, да... – он хотел ещё что-то добавить, но маленький человек, одетый в рваньё, отделившийся от толпы и стоявший в стороне, выслушав приговор, поднял правую руку и негромко произнёс:

– Во всех судах «Последним словом» принято решение предварять! Здесь, видимо, не так, о Справедливости здесь только говорят...

– Ну, отчего ж, хотя тебя не судят, давай Иуда, объясни поступок свой! Но даже не мечтай: свой путь ты не закончишь как герой...

– Хоть ты и Божий сын, но ты такой один, кто Истину совсем не чтит, её своей служанкою считает. Законы все не для тебя, один ты, кто Закон не уважает! И оттого всё, что ни делал ты, какие б ни были твои мечты, как снежный ком – на солнце тает!

Ты оглянись на весь свой путь, о тех землянах не забудь, что погубил ты понапрасну и без смысла... Ты – просто людоед, не важно, кем ты сам себя считаешь! Ведь в каждой ситуации различные возможности таятся, а ты всё выбирал топор, как будто каждый из землян твой личный враг и вор!

Забыл ты, как построен Мир и из ЧЕГО?! Он – из Любви Творца! Любовь – Энергия Рождения ВСЕГО! В ком нет Любви – родить не может ничего!

Вот, ты: твои усилия, мечты – ради чего? Что есть в сём Мире, что любишь ты? Я думаю – себя! Себя ты любишь... и, может быть, немножечко Отца...

– Убогий, не тебе судить меня! И с высоты коротких ножек, набрав преполный рот дерьма, пытался плюнуть на меня! Я приговор не отменяю...

В этот момент, при завершении последнего слова Люци-

фера, прозвучал негромкий мелодичный звук и перед ним появился рослый худой человек, с короткой бородой и давно не стриженными волосами, одетый в платье простолюдина времён жизни Иуды. Он пристально и внимательно глянул на Люцифера, затем улыбнулся и произнёс приветствие на арамейском языке:

– Привет вам всем, собравшиеся вместе!

– Приветствуем и мы тебя, Иисус – ответил за всех Мес-сир.

– Я прибыл от Отца, Он просит за Иуду: чтоб милосердным был твой приговор и, если то возможно, ты отпусти его со мной... о том и я прошу тебя...

Сатана замер, переводя взгляд с Иисуса на Иуду и обратно, какое-то время он размышлял и наконец сказал:

– Да будет так!

Он хлопнул одной ладонью по другой... и все исчезли: и он сам, и его свита. А на крыше остались лишь Иуда, плачущий и прикрывающий лицо руками, и сам Иисус, который протянул к нему руки и позвал:

– Прости меня, мой брат! Поди ко мне, я поцелуй тебе верну...

.....

ПОСЛЕСЛОВИЕ необходимое для полного понимания происходящего.

Чтобы у Вас, дорогие читатели мои, не остались вопросы

по ходу событий, Автор рекомендует прочесть главу
«РОЖДЕНИЕ ПЕРВОГО АНГЕЛА» из САГИ. НА ГРА-
НИ ИСТИНЫ (этого автора).

Здесь Вы найдёте историю рождения Персонажа, извест-
ного под разными именами, среди которых есть и Воланд.
История его рождения объясняет его характер, его суть и его
назначение в ЗАМЫСЛЕ ТВОРЦА!

Примечание:

[битая ссылка] Миньён – распространившееся в XV веке
во Франции обозначение фаворита – друга или любимчика
королевской особы или принца; заимствованное в англий-
ском языке как *minion*, также стало обозначать преданного
слугу, прислужника.